

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ЖАЛОБА: ПОЛЬСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ МЕМУАР МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА. Резюме

Кэтрин Лебоу

В этой статье жизнеописание рассматривается как своего рода претензия и жалоба. В частности, здесь обсуждается отклик межвоенной Польши на «жалобные книги» (*cahiers de doléances*) – «социальные мемуары» (*pamiętnikarstwo społeczne*) – то есть автобиографические воспоминания молодых людей, рабочих, крестьян, иммигрантов, безработных и представителей прочих традиционно «безмолвных» категорий населения, участвовавших в конкурсах мемуаристов, проводившихся по инициативе польских социологов начиная с 1920-х годов. Информация о таких конкурсах размещалась в прессе, распространялась через ликбезовские кружки и массовые политические организации, и благодаря повышению грамотности населения и все более широкому распространению средств массовой информации после провозглашения независимости Польши конкурсы на лучшую автобиографию неожиданно обрели популярность как среди писателей, так и в кругу читателей. К концу 1930-х годов по результатам примерно 20 таких конкурсов, в самом представительном из которых участвовало более 1500 работ, было опубликовано порядка 25 сборников автобиографий, широко обсуждавшихся в прессе того времени (Markiewicz-Lagneau 1976:594). Среди наиболее важных публикаций назовем следующие: «Жизнеописание рабочего» (*Życiorys własny robotnika*; Wojciechowski [1930] 1971); «Воспоминания безработного» (*Pamiętniki bezrobotnych*; Instytut Gospodarstwa Społecznego [1933] 1967a, [1933] 1967b); «Воспоминания крестьян» (*Pamiętniki chłopów*; Krzywicki 1935); «Молодое поколение крестьян» (*Młode pokolenie chłopów*; Chałasiński [1938] 1984); «Рабочие пишут» (*Robotnicy piszą. Pamiętniki robotników—studium wstępne*; Mysłakowski and Gross 1938) и «Воспоминания эмигрантов: Франция» (*Pamiętniki emigrantów. Francja*; Instytut Gospodarstwa Społecznego 1939). Планам по выпуску сборника воспоминаний еврейского юношества, собранных Еврейским научным институтом (YIVO), осуществиться было не суждено: началась Вторая мировая война.

Подобно «наказам», или «жалобным книгам» (*cahiers de doléances*), третьего сословия в дореволюционной Франции, в период Второй Польской республики социальный мемуар сопровождал более глобальные дискурсы кризиса и реформы. На фоне усугубляющейся экономической и политической поляризации 1930-х годов автобиографии, присланные на конкурс, преподносились (и прочитывались) как документы, требующие самого пристального внимания политиков и об-

разованных слоев общества. На протяжении всего десятилетия в восприятии социального мемуара тон задавал сборник, выпущенный в 1933 году варшавским Институтом социальной экономики, «Воспоминания безработного»: проправительственный «Иллюстрированный ежедневный курьер» называл эту коллекцию мемуаров «настоящей золотой жилой для писателя, социолога, экономиста, демографа, но прежде всего – для общества в целом» (Instytut Gospodarstwa Społecznego [1933] 1967b:383). Важно, что обозреватели подчеркивали не только документальную ценность воспоминаний, но и то будоражащее воздействие, которое они оказывали на читателя. «Уже сразу можно смело сказать, – утверждал консервативный католический “Варшавский курьер”, – что читатель, оберегающий свое душевное спокойствие, за эту книгу не возьмется» (295). По отзыву либеральной еврейской газеты «Наше обозрение», эта книга была «работой перво-степенной важности не только для каждого политика, социального деятеля, экономиста, доктора, публициста, психолога, евгеника или гигиениста, но и для любого простого смертного, имеющего глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, – для каждого, чей близорукий эгоизм не заставляет его замкнуться в четырех стенах, надежно изолирующих его от звуков внешней жизни» (297). По словам журнала металлургов «Борьба», сборник был «ужасным, жестоким документом [...], не только свидетельством времени, но одновременно и обвинением против капиталистической системы, написанным [...] не языком права, но всей палитрой пережитых страданий» (260). «Новый журнал» социалистического Бунда задавался вопросом, как точнее определить жанр «Воспоминаний безработного» – как научную книгу, беллетристику или журналистский репортаж, – и делал вывод о том, что сборник этот на самом деле был «истекающим кровью куском самой жизни» (282). Другие рецензенты считали сборник «ужасным», «странным» и «правдивым», коллективным «я обвиняю» (302, *passim*).

Судя по всему, многие поляки, присылавшие работы на конкурсы автобиографий в течение 1930-х годов, разделяли мнение о том, что достоинство социального мемуара заключается в выявлении общественных недостатков, в жалобах и обвинениях. Даже когда их откровения были куда менее скандальны, чем «Воспоминания безработного», мемуаристы, похоже, считали конкурсы автобиографий самым подходящим способом выражения недовольства. Например, в ответ на опубликованный в 1937 году призыв, адресованный молодым жителям села, присылать свои воспоминания, один крестьянин из-под Варшавы поблагодарил организаторов за «отсутствие [на конкурсе] цензуры», поскольку это означало, что «можно говорить свободно... [и] пенять на любое зло». Другая участница конкурса, молодая женщина из Гарволинского района, объяснила, что «пишет только, чтобы посетовать и показать знающим людям, как живет деревенская девушка, о чем она мечтает и чего хочет, что она пытается делать и что она сделать в состоянии. Вряд ли я опишу это как надо, но опишу просто – так, как умею, честно» (Chałasiński [1938] 1984, 1:6–7). В рецензии на «Воспоминания крестьян» (Krzywicki 1935) социолог села Владислав Грабски (Władysław Grabski) посчитал жалобу неотъемлемым элементом включенных в сборник текстов и часть своей статьи посвятил перечням «способов» того, как мемуаристы жалова-

лись, и тех, «к кому» они предъявляли претензии, в том числе к «братьям и сестрам, соседям, местному помещику, приходскому священнику, представителям интеллигенции, полицейским и т.д.» (1982:21–22).

В этой статье я не собираюсь анализировать содержание жалоб в воспоминаниях на манер Грабского: скорее, пользуясь методом глубокого прочтения, я намерена исследовать, каким образом социологи и мемуаристы, создававшие польский социальный мемуар межвоенного периода, формулировали и осмыслили жалобу как полноценное речевое высказывание. Разумеется, «жалоба» – отнюдь не точно определенная аналитическая категория; в отличие от других терминов, применяемых в социальных науках для обозначения схожих действий (например, «подачи рекламы»), «жалобу» трудно отделить от обширного комплекса значений, сопряженных с этим понятием в повседневной речи и зачастую противоречащих друг другу и обусловленных теми или иными историческими и культурными обстоятельствами. Соответственно, изучение жалобы требует рефлексии по поводу культурного багажа – хотя бы той его части, которая, собственно, и лишает это понятие однозначности и четкости.

Особое внимание в этой статье уделено стереотипам о крестьянах и их месту в дискурсе жалобы и в социальном мемуаре. Учитывая современные научные дебаты по поводу ранее упомянутых «Воспоминаний крестьян», я обращаюсь к конкурсу 1937 года, организованному Институтом сельской культуры для сельских жителей в возрасте от 15 до 30 лет. Тема конкурса была заявлена как «Описание моей жизни, работы, планов и надежд». 1544 работы, присланные на конкурс, легли в основу авторитетной монографии социолога Юзефа Халасиньского (Józef Chałasiński), вышедшей годом позже (Chałasiński [1938] 1984). Используя метод глубокого прочтения в работе с воспоминаниями, частично или полностью приведенными в труде Халасиньского, а также привлекая для анализа неопубликованные архивные рукописи, я исследую, как изъявления недовольства в крестьянских воспоминаниях превращались в требования уважения к крестьянству и отношения к крестьянам как к политическим субъектам.

В этом смысле «жалоба» во многом схожа с тем, что в ином контексте мы называли бы свидетельскими показаниями. Исходя из такого понимания социального мемуара, я предполагаю, что и в период социализма культура жалобы в Польше была встроена в определенные представления о том, что значит говорить правду, а также в представления о том феномене, который с недавних пор фигурирует в литературе под названием «моральное свидетельство», – рассказе человека, верящего, что «где-нибудь существует или когда-нибудь будет существовать моральное сообщество, которое прислушается к его свидетельству» (Margalit 2002:155). Межвоенный социальный мемуар облегчает понимание этих представлений. Ведь несмотря на упреки критиков межвоенного времени, считавших, что авторы социального мемуара слишком много жалуются, сами мемуаристы представляли способность жаловаться как доказательство собственного существования: я жалуюсь, следовательно, существую.

Перевод с английского Елены Леменёвой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Chałasiński, Józef. [1938] 1984. *Młode pokolenie chłopów*. 4 vols. Warsaw: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
- Grabski, Władysław. 1982. "Memoirs of Peasants and the Social Milieu of the Polish Rural Areas." *Sisyphus: Sociological Studies (The Polish Memoir Sociology. Origins—Dilemmas—Hopes)* 2:17–23.
- Instytut Gospodarstwa Społecznego. [1933] 1967a. *Pamiętniki bezrobotnych*. Vol. 1. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne.
- Instytut Gospodarstwa Społecznego. [1933] 1967b. *Pamiętniki bezrobotnych*. Vol. 2. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne.
- Instytut Gospodarstwa Społecznego. 1939. *Pamiętniki emigrantów. Francja*. Warsaw: Instytut Gospodarstwa Społecznego.
- Krzywicki, Ludwik, ed. 1935. *Pamiętniki chłopów*. Warsaw: Instytut Gospodarstwa Społecznego.
- Margalit, Avishai. 2002. *The Ethics of Memory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Markiewicz-Lagneau, Janina. 1976. "L'autobiographie en Pologne ou de l'usage social d'une technique sociologique." *Revue française de sociologie* 17(4):591–613.
- Mysłakowski, Zygmunt and Feliks Gross, eds. 1938. *Robotnicy piszą. Pamiętniki robotników—studium wstępne*. Cracow, Poland: Księgarnia Powszechna.
- Wojciechowski, Jakub. [1930] 1971. *Życiorys własny robotnika*. Poznań, Poland: Wydawnictwo Poznańskie.